

Павел МИНАКИР, Александр ДЕМЬЯНЕНКО

РЕГИОНАЛЬНОЕ СЦЕНАРНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ*

Обобщены методологические основы долгосрочного сценарного прогноза крупного экономического региона, реализованные при прогнозировании развития Дальневосточного федерального округа до 2030 г. Анализируются особенности формирования алгоритма прогнозирования и конструирования сценариев долгосрочного развития. Предложены сценарии развития Дальнего Востока с учетом взаимодействия внутринациональных, международных и региональных условий.

Ключевые слова: Дальний Восток, долгосрочный прогноз, концепция, стратегии, сценарии

Долгосрочное и среднесрочное прогнозирование регионального экономического и социального развития имеет длительную историю и объектами его к настоящему времени стали если не все, то большинство субъектов Российской Федерации, крупных экономических регионов, федеральных округов. Имеется опыт разработки такого рода прогнозов и для Дальнего Востока России, в т.ч. в разрезе входящих в этот макро-регион субъектов Федерации. В настоящей статье обобщен в некоторой степени опыт разработки долгосрочного прогноза социального и экономического развития Дальневосточного федерального округа с использованием сценарного подхода. Полные результаты методических, инструментальных исследований, собственно прогнозных разработок были изложены в опубликованной недавно монографии¹. Предлагаемая статья, это не столько развернутое *summary* упомянутого исследования, сколько желание сказать вслед уже опубликованной работе что-то существенное (как надеются авторы) в дополнение и в развитие.

Вопросы методологии

К настоящему времени какой-то одной общепринятой методологии (модели) прогнозирования регионального развития просто нет. Более того, существует множество трактовок самого объекта прогнозирования — региона. Поэтому авторы должны определить свою позицию сразу по нескольким направлениям.

*Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН №12-I-П31-03 и гранта РГНФ №11-02-00566а.

¹ Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. С. 560.

Во-первых, используя эволюционный подход, попытаться понять, в каком направлении эволюционировали проблемная область и инструментарий экономического анализа пространственной экономики.

Во-вторых, определить, каковы возможности заимствования методологических подходов к прогнозированию сверхсложных экономических систем в других научных дисциплинах.

Первое из означенных выше направлений в той или иной степени было рассмотрено нами в ряде публикаций, опубликованных как до, так и после монографии «Тихоокеанская Россия — 2030»². Полученные результаты можно свести к следующему.

Проблемная область региональных исследований исторически не только расширялась, но и усложнялась, вслед за изменениями в экономической системе. Причем процесс этот имел *нелинейный характер*. Периоды роста интереса к пространственной проблематике сменялись длительными периодами, когда пространственные аспекты экономической деятельности находились явно на периферии экономической науки. К этому следует добавить, что все более явно ощущается дефицит в аналитических инструментах, позволяющих дать надежные количественные оценки.

Здесь особо следует отметить и то, что исследователи, анализирующие как современное состояние, так и выстраивающие прогнозы в отношении будущих состояний пространственной организации экономической деятельности (и не только), придают слишком большое значение официальной статистике. Впрочем, это присуще не только отечественной экономической науке. Так, Д.П. О'Брайен, анализируя состояние инструментальной базы, сложившейся в экономической теории к началу XXI в., был вынужден констатировать не только широкое распространение «низкокачественных процедур», но и то, что используемые при этом данные часто бывают плохого качества³.

Возможно, главное преимущество эволюционного подхода заключается в том, что он дает возможность понять, каким образом и в результате действия каких внешних по отношению к экономической науке факторов происходит изменение границ проблемной области пространственной экономики.

Второе направление изначально предполагает, что исследование пространственных проявлений экономической деятельности рассматривается в контексте *междисциплинарного синтеза*. И здесь особый интерес

² См., напр.: Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология. Первый Российский экономический конгресс (Москва, 2009) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.econorus.org-/cprogram.phtml?vid=roundtables>; Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2; Минакир П.А. Пространственные эффекты в экономике и управлении. СПб. 2011; Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие общественных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. Отметим также и то, что в уже упомянутой монографии этому вопросу уделено немало места в разделе «Региональное развитие: вопросы теории и методологии».

³ О'Брайен Д.П. Теория и эмпирическое наблюдение. Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 67–68.

представляют теоретические конструкции, которые в последние десятилетия сформировались на стыке экономической науки, теории организации, менеджмента, социологии, географии⁴.

В данном случае мы имеем в виду тот комплекс научных дисциплин, который имеет отношение к стратегическому управлению. Авторы придерживаются следующей точки зрения. Стратегия — это не детальный план или набор инструкций и готовых рецептов, но лишь *оптимальный* при принятых предпосылках и ограничениях путь к поставленной цели. Прогноз — всего лишь оценка «облака возможностей» при реализации выбранного пути⁵.

Это означает, что определение рационального «пути в будущее» самым непосредственным образом зависит от адекватности и достоверности анализа *стартового состояния прогнозируемой системы*. При этом следует иметь в виду, что центральная идея рационального подхода к стратегическому анализу заключается в том, что мы можем систематически анализировать причины успеха или неудач экономики региона и использовать это знание для формулирования соответствующих конкурентных стратегий. С этой точки зрения авторы разделяют позицию, согласно которой цель стратегического анализа «состоит не в том, чтобы дать готовые ответы, а в том, чтобы облегчить понимание вопросов»⁶. В конечном счете, стратегический анализ направлен на поиск ответов на вопросы:

- где конкурировать?
- как конкурировать?

Ответы на эти вопросы определяют два основных уровня экономической стратегии любого региона — собственно региональную стратегию (с известными допущениями, это — аналог корпоративной стратегии) и конкурентную региональную стратегию.

Необходимо помнить и учитывать хорошо всем известное, но часто забываемое свойство экономического пространства — иерархичность. С учетом этого обстоятельства, регионы мегауровня (к числу которых с известными оговорками можно отнести и Дальний Восток) включают, с одной стороны, объекты национальной экономики, а с другой — объекты мега-, мезо- и микроуровней регионального пространства. Иначе говоря, в ходе анализа стартовых позиций мы должны быть готовы к тому, что государственная экономическая стратегия представляет собой многоуровневую систему.

Так, в частности, предприятия государственных корпораций (как бы их ни называли) имеют лишь косвенное отношение к экономике Дальневосточного мегарегиона. Они функционируют в пространстве национальной экономики, и стратегические решения, касающиеся инвестирования, диверсификации, вертикальной интеграции, распределения

⁴ Достаточно подробно авторская позиция по данному вопросу изложена в: *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // *Пространственная экономика*. 2011. № 4.

⁵ При определенных условиях стратегия может быть представлена и в форме прогноза, но трудно (если только возможно) представить, что стратегия может обойтись без прогноза.

⁶ *Грант Р.* Современный стратегический анализ. СПб.: Питер, 2008. С. 44.

ресурсов между отдельными подразделениями, принимаются исходя из интересов национальной экономики и поэтому являются заданными извне для региона.

Сходная ситуация возникает и тогда, когда мы имеем дело с вертикально интегрированными национальными или транснациональными корпорациями. В этом случае стратегические решения, принимаемые на корпоративном уровне, также являются для региона заданными извне.

Но это вовсе не означает, что регион не может иметь собственной стратегии развития, инициируемой региональными органами власти. Другое дело, что такого рода стратегии, разрабатываемые, как правило, для субъектов Федерации, а также и административно-территориальных единиц окружного и реже муниципального уровня, имеют отношение не к экономике региона как целостной системе, а лишь к той ее части, которая, говоря языком позапрошлого века, имеет отношение «к местным пользам и нуждам».

При этом следует иметь в виду, что Дальневосточный регион весьма специфичен среди других регионов первого уровня членения национального экономического пространства. Отчасти этот вопрос получил освещение в литературе⁷. Поэтому здесь можно ограничиться констатацией ряда принципиальных особенностей данного макрорегиона.

Первая особенность. Дальний Восток отличается крайне низким уровнем сформированности его территориально-отраслевой структуры, а поэтому следует с осторожностью говорить об этом территориальном образовании как о территориальной экономической системе.

Вторая особенность. Для экономического пространства региона характерна высокая степень его фрагментации. Это находит отражение в формировании ряда экономических мезорайонов при относительно невысоком уровне их взаимодействия, что в немалой степени связано с наличием обширных «резервных территорий», т.е. территорий, практически не вовлеченных в экономическую деятельность.

Третья особенность. Масштабы Дальнего Востока как экономического образования все еще далеки от масштабов экономики других мегарегионов России, что при нынешнем уровне открытости региона, как со стороны национальных, так и международных рынков, ведет к тому, что стратегические решения, имеющие непосредственное отношение к экономике региона, принимаются за его пределами, либо в рамках государственных корпораций, либо в рамках вертикально интегрированных компаний, национального или глобального уровня.

Четвертая особенность. В силу того, что высокоспециализированные ресурсы региона (ряд биологических ресурсов суши и моря) относятся к числу воспроизводимых, в рамках общедальневосточной экономической

⁷ См., напр.: Минакир П.А. Экономика региона. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006; Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010; Минакир П.А. Дальний Восток в модифицирующейся экономике России // Экономическая наука современной России. 2004. № 1; Минакир П.А. Россия на Тихом океане // Пространственная экономика. 2006. № 3; Минакир П.А. Мировой кризис: национальные и региональные реакции // Пространственная экономика. 2010. № 1; Демьяненко А.Н. Восток России: общее и специфическое. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Екатеринбург. 2009 и др.

стратегии должны существовать предельно четкие, научно обоснованные ограничения, предотвращающие разрушение механизмов воспроизводства этих видов ресурсов.

Пятая особенность. Проживание в пределах региона большого числа малочисленных коренных народностей Севера и Приамурья предполагает не только создание максимально возможных (при данных бюджетных ограничениях) условий развития традиционного хозяйства, без чего невозможно сохранение малых этносов, но обязательный учет в рамках общерегиональной экономической стратегии предельно четких и жестких ограничений, направленных, в конечном счете, на сохранение экономического и культурного своеобразия малочисленных народностей.

Шестая особенность. Для придания региону должного уровня привлекательности (как для инвесторов, так и для высококвалифицированных групп населения) следует разработать и внедрить в практику регионального управления научно обоснованные социальные стандарты качества жизни населения, существенным образом превышающие среднероссийские (здравоохранение, образование, состояние природной среды).

Возможные стратегии развития Дальнего Востока

Перечисленные выше особенности пространственной организации экономики определяют множественность частных региональных стратегий, наряду с общей для Дальнего Востока. Можно выделить, как минимум, три типа региональных стратегий:

- самый популярный в настоящее время тип стратегий — стратегии субъектов Федерации (шире — административно-территориальных образований);
- стратегии национальных и транснациональных вертикально интегрированных компаний, которые в настоящее время и в прогнозном периоде будут осуществлять свою деятельность в пределах макрорегиона;
- «отраслевые» стратегии, в первую очередь региональные экологические и инфраструктурные, которые осуществляются в рамках общенациональной структурной политики на территории макрорегиона.

Не касаясь вопросов координации этих стратегий друг с другом, а также целевыми стратегическими установками федерального Центра (это очень далеко увело бы нас от заявленной темы), отметим: осуществляемый до настоящего времени матрешечный принцип целеполагания, предполагающий доминирование целей федерального Центра над целями регионов, сменится, по мере формирования реального федерализма, *принципом координации целей регионального и национального экономического развития*. Это предположение вполне вписывается в теорию заинтересованных групп, которая, по мнению О.С. Пчелинцева, вполне применима на региональном уровне управления⁸.

⁸ Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004.

В таком случае *стратегии первого типа* должны быть ориентированы на создание институциональных условий, которые были бы привлекательны как для бизнеса, так и для населения. Задача заключается в том, что не всегда без соответствующего анализа можно определить, какие фирмы, имея в виду их отраслевую принадлежность, и какие группы населения желательны с точки зрения целевых ориентиров региона, а какие следует лишать стимула.

Однако по большей части такого рода региональные стратегии (обычно в форме прогнозов) страдают одним очень существенным недостатком: они слабо обоснованы. Или, иными словами: «Они формулируются в терминах реализации потенциала региона при условии притока инвестиций извне, особенно с федерального уровня»⁹. Не следует думать, что это сугубо российская проблема. По свидетельству авторитетных западных специалистов, стандартной ситуацией в области региональной политики является «драка за экономические ресурсы, получаемые от центрального правительства»¹⁰.

Если стратегии первого типа, независимо от декларируемых региональными администрациями целей, объективно работают на формирование условий (социальных, экологических, экономических, этнокультурных и т.п.) для бизнеса и населения, то *стратегии второго типа*, т.е. стратегии вертикально интегрированных компаний (далее — ВИК), ориентированы на достижение максимально возможных экономических результатов.

И если результаты стратегий первого типа проявляются в форме изменений в качестве жизни населения, в системах расселения и инфраструктурного обеспечения территории, создании условий для выращивания институтов, то стратегии второго типа — это конкурентные стратегии фирмы. И в том случае, когда ВИК или их группа в пределах такого или иного административного региона доминирует в экономике, региональная экономическая стратегия фактически вырождается в конкурентную стратегию фирмы (группы фирм). Максимум, что может себе позволить в этом случае региональная администрация, это обеспечить комфортные условия для ВИК и для фирм-резидентов, которые предоставляют ВИК необходимые им продукты и услуги, тем самым создавая новые рабочие места, доходы домохозяйств и поступления в региональный бюджет.

Наконец, все регионы в той или иной мере оказываются вовлеченными, если не в разработку, то в реализацию *стратегий третьего типа* — «отраслевых» стратегий. Отличительная особенность этих стратегий в том, что они, во всяком случае в теории, имеют общенациональные экономические цели, т.е. по отношению к экономике региона это — заданные извне целевые установки. В этом случае регион (точнее, региональная администрация и местное бизнес-сообщество вкуче с домохозяйствами) является получателем, а не разработчиком экономических стратегий.

⁹ Оптимизация территориальных систем. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. С. 203.

¹⁰ Котлер Ф. и др. Маркетинг территории. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. С. 41.

Все три уровня регионального стратегирования тесно между собой связаны: широта (географическая и отраслевая) деятельности экономики региона влияет на формирование конкурентных преимуществ, в свою очередь природа конкурентных преимуществ определяет те отраслевые и региональные рынки, на которых экономика региона может добиться успеха.

Основы сценарного подхода

Обычным этапом разработки региональных прогнозов или стратегий является анализ состояний и (или) проблем. Этот этап, как показано в вышеупомянутой монографии, необходим, впрочем, не только и не столько для того, чтобы охарактеризовать состояние региональной системы и ее соотношение и взаимоотношения с системами того же или более высокого ранга. Анализ необходим для того, чтобы:

- определить характеристики равновесия и устойчивости тенденций развития;
- выявить узкие места и потенциальные возможности региона.

Это становится базой для определения целей развития на последующий период (периоды) и для определения концепции или идеи (идей), определяющих развитие региональной системы в перспективе. Реализация идеи развития региона зависит от сочетания основополагающих условий, которые могут сложиться в предстоящем периоде, т.е. от сценариев, которые могут возникнуть.

Сценарии в свою очередь представляют собой некоторое множество макроэкономических, ресурсных и институциональных параметров, которые оказывают существенное воздействие на перспективное развитие региона. Каждый сценарий описывается только одним подобным множеством. Это означает, что сформулированной концепции могут соответствовать в перспективе *несколько сценариев* развития событий вокруг и в связи с регионом, а также событий, происходящих непосредственно в самом регионе.

Весьма деликатным делом при этом является способ задания параметров, описывающих сценарий. Наилучшим вариантом является, конечно, задание значения параметра определенным числом. Однако, очевидно, что это далеко не всегда возможно. Поэтому необходимо смириться с одновременным наличием как количественных, так и качественно определяемых параметров. Это создает трудности в количественной обработке и дальнейшем прогнозировании, которое должно выражаться набором количественных показателей. Однако эта трудность должна быть преодолена.

Каковы параметры, которые необходимо определить в рамках сценариев развития? При всей несхожести региональных систем набор таких параметров все-таки более или менее одинаков. К ним относятся инвестиции, уровень технологий, используемых в регионе, темп инфляции, бюджетные ограничения, норма накопления, уровень совокупного спроса (внутринационального, внутрирегионального и

внешнего), доходы населения и уровень рентабельности применяемого капитала, состояние экономических институтов (национальных и региональных).

Каждому сценарию возможного развития соответствует единственная стратегия достижения обозначенной в концепции развития цели (целей). При этом стратегия описывается в форме набора действий (решений, проектов, событий), которые могут быть предприняты исходя из сценарных условий. Эти «наборы» формируются в рамках отдельных отраслей и секторов экономики региона, а также в рамках национальной и региональной институциональной систем.

Для каждой стратегии необходимо определить баланс выигрышей и потерь с точки зрения приближения или удаления от сформулированной цели регионального развития. Сопоставление значений «цен» отдельных стратегий определит смешанную стратегию, которая и будет являться наиболее вероятным на перспективу набором действий и решений по развитию региональной системы.

Для отдельных секторов реальной экономики и институциональной системы смешанная стратегия разворачивается в форме программ развития соответствующей сферы деятельности.

Обобщение программ развития дает количественную оценку совокупных результатов развития региона в рамках существующих ресурсных и бюджетных ограничений. Это и является прогнозом в узком смысле слова.

Фактически такого алгоритма придерживаются и авторы стратегических разработок в Министерстве экономического развития РФ. Если проанализировать, например, содержание сценарных условий функционирования российской экономики в 2011–2013 гг., то можно убедиться, что логика, во всяком случае, объяснения результатов прогноза развития российской экономики сводится к следующему:

- анализ ситуации в российской экономике в 2009 г.;
- описание вероятных сценариев внутринационального развития в 2011–2013 гг. (демография, цены и тарифы, темпы инфляции, налоговое регулирование);
- описание вероятных сценариев развития внешней для российской экономики международной экономической среды 2011–2013 гг. (валютные курсы, темпы роста мировой экономики, мировые цены на энергоносители и металлы);
- описание вероятных программ развития основных генерирующих значения ВВП секторов экономики (топливно-энергетический комплекс, внешняя и розничная торговля, доходы населения);
- построение прогнозных макроэкономических параметров развития российской экономики¹¹.

Правда, стройность вышеописанного алгоритма в самом документе чрезвычайно завуалирована и является лишь проявлением здравого

¹¹ См.: Сценарные условия функционирования экономики Российской Федерации, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections>

смысла и традиционного подхода к прогнозированию в узком смысле слова. Бесполезно пытаться найти в этом документе концепцию или основополагающую идею развития. Соответственно нет в нем и попыток явно определить стратегию действий. Впрочем, и задача перед разработчиками стояла иная — предложить прогноз общенационального развития, т.е. ответить на вопрос, каковы будут количественные параметры макроэкономических индикаторов при определенных предположениях относительно факторов формирования ВВП.

Мифы о направлениях развития Дальнего Востока

Теперь рассмотрим возможные сценарии развития региона с учетом вероятности будущих состояний внешних и внутренних факторов и условий. Описание сценариев представляется довольно сложной процедурой хотя бы потому, что *стандартных методик и процедур для такого описания нет*. Тем не менее существует устоявшийся набор параметров внешней и внутренней среды, фиксирующих те или иные сочетания условий и факторов, определяющих характер, направления и масштабы социально-экономической системы региона в предстоящей перспективе.

Как видим, структура сценарных предположений формируется в результате сложного выбора из большого числа сочетаний параметров. Поэтому необходимо принятие некоего правила формирования рациональных и вероятных комбинаций этих параметров. Логично было бы предположить, что основой для отбора рациональных комбинаций могла бы служить «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года», принятая к реализации в качестве документа государственной экономической политики в 2009 г.

Следовательно, разумно было бы принять сценарные построения именно этого документа в качестве основы сценариев регионального развития, тем более что и горизонты прогнозирования практически совпадают (2025 и 2030 гг.). Однако не все так просто.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что перед нами все что угодно, *но только не сценарий будущего*. Это скорее перечисление неких состояний или процессов, которые почему-то должны происходить в этом мегарегионе до 2025 г. Причина, по которой эти события произойдут и произойдут именно в этом мегарегионе, совершенно не ясна. Приведенный «сценарий» излагается как некий манифест развития автаркичного региона, который в своем развитии ориентируется на какую-то эндогенную цель при отсутствии ресурсных ограничений, при предположении, что не существует проблемы рынков, технологического развития, конкурентных целей национального развития и т.д. У авторов данной статьи нет желания выяснять, почему авторы упомянутой выше Стратегии избрали такой алгоритм ее разработки. Для нас много важнее показать, что сформулированные ими «пожелания» в форме сценария развития региона основаны на ряде устойчивых мифов

относительно Дальнего Востока. Эти мифы необходимо осознать и избавиться тем самым от их гипноза.

Первый миф — на Дальнем Востоке катастрофически не хватает людей, население уменьшается угрожающими темпами, создается вакуум, который угрожает потерей этого региона Россией (природа не терпит пустоты, придут китайцы, и все пропало).

Существует ли проблема? Безусловно. Является ли это достаточной причиной для объявления ситуации катастрофической в контексте регионального развития? Ответ: скорее нет, чем да. Действительно, сокращение численности населения округа за период 1990–2008 гг. на 19,2% производит сильное впечатление. Но абсолютные размеры сокращения населения — 1,6 млн чел., сопоставимы с другими округами (кроме Южного и Уральского).

Второй миф — Дальний Восток не нужен Центру, доходы падают, люди уезжают туда, где лучше (доходнее).

Действительно, средние душевые денежные доходы на Дальнем Востоке в 1995 г. превышали среднероссийский уровень на 26%, а в 2009 г. уже только на 5%. Но в Южном округе доходы уступают Дальневосточному почти на 30%, в Поволжье — более чем на 20%, в Сибири и в Центральном округе — почти на 20%.

Миф третий — экономический потенциал региона безвозвратно потерян.

Действительно, в 1995–2009 гг. доля ВРП Дальневосточного ФО в ВРП РФ сократилась на 1,5 п.п. Но за то же время доля Сибирского федерального округа сократилась на 4,6 п.п., доля Приволжского округа уменьшилась на 5 п.п. Увеличилась на 12 п.п. доля Центрального округа. Вот туда и переориентировались миграционные потоки, причем не только с Дальнего Востока.

Миф четвертый — Дальний Восток заселяют китайцы.

Этот миф рождает лозунги, в частности — «заселим регион»¹². Как известно, в 1930-е гг. регион именно заселяли, преимущественно заключенными, потом были знаменитые «оргнаборы». Но людей набирали под проекты, под новые предприятия. Последним таким «человекоемким» проектом было строительство БАМа. А сейчас предлагается заселять регион, чтобы не оставить места китайцам и прочим азиатам. Однако в приграничных провинциях Китая население превышает 100 млн чел. Все население России ненамного больше. Чтобы не «оставить места», придется переселить всех граждан России на китайскую границу. А чтобы занять все это население, придется на китайскую же границу перебазировать и всю экономику России. Это, конечно, совершенно ненаучная фантастика.

¹² Здесь следует напомнить, что «желтая угроза», исходящая из Китая российскому Дальнему Востоку, имеет давнюю, как минимум, вековую историю. Но заселения китайцами дальневосточной окраины так и не произошло. Вот бы и задаться авторам этого мифа вопросом: а почему? Ответ при желании можно найти уже у П.А. Столыпина, автора новой экономической стратегии в отношении Дальнего Востока, потребность в которой была осознана после русско-японской войны, а можно обратиться и к Трудом Амурской экспедиции 1910 г. или к Антологии экономической мысли на Дальнем Востоке (см.: Вып. 3. Амурская экспедиция 1910 года. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010).

Миф пятый — Дальний Восток превращен в сырьевую провинцию России и АТР, а потому у него нет будущего. Отсюда следует рецепт — срочно перейти от добычи к переработке. Общий принцип верен¹³.

Высокая технологическая стадия дает целую систему преимуществ (добавленная стоимость, более высокая культура производства, более высокие требования к квалификации работников, инфраструктуре, окружающему пространству, общий престиж региона и страны). Но не все так просто, поскольку:

- сами добывающие производства — весьма высокотехнологичная сфера деятельности;
- существует определенный экономический предел стадий переработки;
- нельзя не учитывать альтернативной цены переработки.

В определенной степени названные мифы — *важный элемент формирования современной региональной экономической политики*. Весьма трудно в нынешних условиях обосновать необходимость переброски существенной части общенациональных ресурсов накопления и потребления на Дальний Восток. В СССР это было связано с решением военно-политической задачи создания форпоста на Тихом океане и поддержания военного паритета, с одной стороны. С необходимостью сырьевого обеспечения национальной, в первую очередь оборонной, промышленности сырьем — с другой. Сейчас обе эти задачи *не могут служить достаточным основанием* для вложения в регион значительных государственных ресурсов. Поэтому, когда возникла необходимость очередного общегосударственного маневра ресурсами в пользу Дальнего Востока, появилась и надобность *в новой аргументации* целесообразности такого маневра.

Сценарии развития Дальнего Востока

Необходимость в этом маневре возникла к середине первого десятилетия XXI в. в связи с желанием как самого государства, так и крупнейших российских сырьевых корпораций расширить рынки сбыта за счет выхода на тихоокеанских потребителей. Для этого инфраструктурная система региона должна соответствовать потребностям увеличения транзитного товарного потока на рынки стран Тихоокеанского региона. Инфраструктура — очень капиталоемкая сфера и для ее модернизации и развития в соответствии с потребностями экспортного транзита необходимы дополнительные крупные инвестиции, выделение которых из государственного бюджета нуждается в серьезной аргументации. Как раз мифы о грядущей потере Дальнего Востока в силу утраты его экономического и демографического потенциалов стали такой аргументацией, снижая альтернативную цену инвестиций.

¹³ В той или иной мере этот посыл был сформулирован вовсе не сегодня. Достаточно обратиться к работам начала XX в., чтобы убедиться в том, что будущее экономики Дальнего Востока виделось дальневосточным экономистам именно как экономики индустриального типа, в структуре которой заметное место должна была играть обрабатывающая промышленность. Показательны в этом отношении статьи П. Маслова и В. Анисимова из первого номера журнала *Экономическая жизнь Дальнего Востока* за 1921 г.

Вопрос о степени рациональности самой концепции «инвестиционной накачки» региона *не является вопросом экономическим с точки зрения региональной политики*. Во всяком случае, это не проблема формирования эндогенной цели или концепции развития. Данная цель задана экзогенно на метауровне по отношению к самому региону. Но это не означает, что проблема регионального развития инвариантна по отношению к этой цели.

Напротив, избранная стратегия действий на данном этапе и в ближайшей перспективе — формирование в регионе инфраструктурно-сырьевого каркаса в качестве экспортного трамплина в АТР — *образует извне* заданную оболочку для принятия решений относительно перспективного развития региона уже в собственно экономическом формате. Следовательно, принятая к реализации стратегия действий, подразумевающая сохранение на перспективу ориентацию на ресурсно-транзитную модель развития Дальнего Востока, должна рассматриваться как один из компонентов сценариев будущего.

Сценарное прогнозирование регионального развития в случае Дальнего Востока строится в предположении, что общей идеей здесь является формирование «новой индустриальной системы». Конечно, сама эта система подразумевает наличие ряда черт, описываемых в выше приведенном «видении» авторов стратегии до 2025 г. Это так уже потому, что и сегодняшняя экономика, и социальная сфера региона не лежат в разлуке. Они являются вполне дееспособной и рационально функционирующей системой, а следовательно, в своем развитии естественно должны опираться на основные тенденции изменения или мегатренды, характерные для современного мира.

В рамках сценарного прогноза предложено описание сценариев, характерных для будущего развития региона. Исходным предположением при этом являлось то, что до 2030 г. обязательно и мир, и Россия столкнутся, как минимум, с двумя очередными кризисами перепроизводства. Однако если рассматривать весь прогнозный период как единый «временной кварк», то можно предполагать, что последствия этих кризисов будут преодолеваться и их результатом станет некоторое снижение макроэкономических индикаторов по сравнению с теми значениями, которые достигались бы при совершенно монотонном тренде. Т.е. траектория развития в предстоящей перспективе может рассматриваться теоретически как гладкая кривая, которая расположена *ниже гипотетической кривой*, соответствующей полному использованию ресурсов.

Предположения относительно совокупности условий, которые будут являться фоном для предстоящего развития региона, могут быть сгруппированы следующим образом.

Первый сценарий.

Ухудшение состояния консолидированного и федерального бюджетов, в результате массированных интервенций финансовых ресурсов в ходе глобального финансово-экономического кризиса, будет иметь следствием ужесточение бюджетных ограничений в период до 2014–2015 гг. В этот период существенного сокращения прироста инвести-

ционных ресурсов в регион, очевидно, не произойдет, т.к. необходимо будет закончить масштабные и имиджевые инвестиционные проекты типа: АТЭС, энергетической транспортной инфраструктуры, а также завершить формирование пространственного инфраструктурного коридора на юге Дальнего Востока, предназначенного для устойчивого транзита сырьевого экспорта в страны АТР. В этот же период и далее до 2020–2025 гг. будут осуществляться инвестиционные проекты по наращиванию сырьевой базы (прежде всего углеводородов) в восточной Сибири и Якутии.

Следовательно, уровень прироста инвестиций может начать сокращаться с 2018–2020 гг. Достигнутая сбалансированность федерального бюджета будет поддерживаться сравнительно напряженными макроэкономическими балансами, которые будут характеризоваться с учетом, вышеупомянутого сглаживания, долгосрочного тренда средними темпами экономического роста (4–5% прироста в год). Одновременно следует ожидать, что рост будет осуществляться в условиях вялой, но заметной инфляции в 5–10% в год на фоне плохо сдерживаемой агрессивной тарифной политики естественных монополий, которая вряд ли будет эффективно корректироваться малоэффективной институциональной средой. Кроме того, усилятся мотивы роста тарифов для компенсации относительного снижения экспортных доходов в условиях стабилизации курса рубля и слабо выраженного роста внешнего спроса на сырье. При этом следует иметь в виду, что невысокие темпы роста ВВП не гарантируют высокого спроса на сырье внутри страны. К этому добавится и то, что постепенная ревальвация юаня и ослабление йены обусловят относительно равномерный прирост ВВП в СВА на уровне 3–7% в год. Это обеспечит стабильный, но относительно невысокий уровень спроса на российское сырье.

Жесткие бюджетные ограничения и вялая экономическая динамика будут определять слабый рост доходов населения темпом ниже темпов инфляции. Это повлияет на медленное изменение миграционной ситуации в целом и сохранение жестких ограничений на рынке труда.

Внешнеэкономическая политика останется ориентированной на торговые взаимодействия со странами АТР и СВА, хотя там будет создана зона свободной торговли СВА+АСЕАН, что приведет к увеличению степени разнообразия отраслевых рынков, снижению уровня предельных издержек производства. РФ не сможет интегрироваться в рынки факторов производства и технологий в Восточной Азии и останется относительно изолированной от новых рынков и технологического обмена. Сохранение сырьевой ориентации экономики ограничит спрос на инновации, что не позволит существенно изменить положение в области сравнительного уровня развития науки и технологий.

На самом Дальнем Востоке вялая общеэкономическая динамика и отсутствие прогресса в области субглобальных взаимодействий обусловит то, что иностранные инвестиции в регионе будут вкладываться лишь

в наиболее рентабельные сырьевые проекты. Трудовая миграция сохранится как импорт низкокачественной рабочей силы. В то же время сокращение профицита торгового баланса в странах СВА уменьшит как спрос, так и предложение капитала в этом субрегионе.

Существенного прироста объемов генерируемых в самом регионе инвестиций не произойдет. Существенно не изменится и демографическая обстановка, следовательно, не будет и существенного прироста численности занятых из внутрирегиональных источников. Появятся новые источники традиционного сырья. Доходы населения будут расти, но темпами ниже, чем в 2000–2008 гг., т.к. структура экономики региона изменится незначительно. Сравнительное качество жизни существенно не изменится. Новые технологии будут внедряться в традиционных отраслях. Ценовая конкурентоспособность не изменится. В целом подобный сценарий соответствует *консервации концепции ресурсного транзита*.

Второй сценарий.

В случае существенного успеха институциональных преобразований в России и соответствующего изменения в мотивации экономических агентов, результатом чего явится постепенное облагораживание структуры экономики и создание к 2020–2025 гг. эффективной национальной инновационной системы, жесткость бюджетных ограничений может быть значительно ослаблена. Прежде всего это обеспечит ослабление инвестиционных ограничений и поддержит рост доходов населения, а следовательно, стабилизирует темп прироста конечного спроса в целом по национальной экономике.

Это позволит (даже при сохранении в этом сценарии неакцентированной внешней интеграционной политики России в Восточной Азии) сохранить темп прироста инвестиций на Дальнем Востоке и начать процесс структурной перестройки инвестиций в основной капитал за счет ориентации инвестиционной деятельности на создании фундамента «новой индустриализации» в регионе¹⁴. Появление новых перспектив в экономической структуре региона, вместе с сохранением превышения в уровне доходов населения над другими федеральными округами, позволит стабилизировать сальдо миграционного оборота и ослабить спротовые ограничения на рынке труда в районах наиболее интенсивной концентрации экономической деятельности.

Появление новых перспектив инвестиционной деятельности в регионе обеспечит повышение индекса инвестиционных и предпринимательских ожиданий, что послужит сигналом для направления на Дальний Восток дополнительных корпоративных инвестиций.

В странах Восточной Азии макроэкономическая конъюнктура будет складываться благоприятным образом. Эти страны создадут эффективную систему стабилизации равновесия на рынках капиталов и в сфере внутреннего конечного спроса, что позволит им развиваться более высокими, чем в первом сценарии, темпами, поддерживая тем

¹⁴ Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 6–25.

самым привлекательные для экспортеров сырья прироста импортного спроса и цены на мировых сырьевых рынках. Но это же приведет к относительному ухудшению конкурентных позиций любых новых (как Россия) экспортеров на азиатских и мировых рынках готовой продукции в связи с агрессивной стратегией экспорта стран Восточной Азии.

Однако и при реализации этого сценария Россия будет испытывать затруднения с интеграцией на рынках факторов производства и институтов со странами СВА и АТР, поэтому дополнительная инвестиционная активность будет направлена в регионе на увеличение извлекаемых запасов сырьевых ресурсов и укрепление экспортного потенциала. Тем более что рост спроса со стороны азиатских экономик будет провоцировать ожидания высокой нормы прибылей у экспортеров сырья. Это, в свою очередь, позволило бы в максимальной степени реализовать сконструированный в период до 2020 г. инфраструктурный каркас для ресурсного транзита.

Переход к инновационному типу развития будет осуществляться прежде всего в добывающих отраслях, но по-прежнему будут внедряться заимствованные инновации.

Этот сценарий характерен *сохранением ресурсного транзита как основной концепции регионального развития*. Как и в сценарии № 1, сравнительный уровень и качество жизни населения региона будут находиться в зависимости от неопределенных перспектив увеличения масштабов экономической деятельности в самом регионе и решения общенациональной проблемы синхронизации федеральных и региональных бюджетных доходов. При всем этом ориентация на ресурсный национальный транзит приобретет характер устойчивой долговременной стратегии.

Третий сценарий.

Сценарий отличается тремя существенными моментами от сценария № 2.

Во-первых, предполагается, что экономическая политика России в зоне Восточной Азии модифицируется из политики максимизации профицита торгового баланса и расширения масштабов экспортной экспансии в более широкий спектр целевых установок за счет реальной интеграции со странами Восточной Азии на рынках факторов производства и технологий. Это будет означать, что на Дальнем Востоке России необходимо будет модифицировать ресурсно-транзитную концепцию инвестиций и экономического развития региона, дополнив ее целями создания новой индустриальной среды в регионе и формирования высоких сравнительных стандартов качества и уровня жизни населения.

Во-вторых, предполагается, что в России удастся построить основы эффективной национальной инновационной системы, завершить процесс реформирования сферы НИОКР. Это вкупе с разблокированием каналов международного технологического обмена в связи с прогрессом международной интегрированности в АТР позволит существенно увели-

чить возможности формирования на Дальнем Востоке новых наукоемких отраслей.

В-третьих, предполагается, что высвобожденные в связи с окончанием основных инфраструктурных проектов финансовые ресурсы бюджетного и корпоративного происхождения будут перенацелены не на реализацию проектов в других регионах страны или в новых сферах деятельности, но будет осуществлен ресурсный маневр в пользу создания на Дальнем Востоке социальной инфраструктуры, обеспечивающей существенное снижение уровня привлекательности альтернативных регионов проживания для дальневосточников.

Таким образом, реализация сценариев *ресурсного транзита* это фактически сохранение территориальной и отраслевой структур экономики региона, имеющих в своей основе эксплуатацию его природно-ресурсного потенциала и транспортно-географического положения. Речь, таким образом, идет о *воспроизводстве сложившейся структуры экономики региона* как в отраслевом, так и территориальном аспектах. Хотя это воспроизводство будет сопровождаться увеличением масштабов производства и экспорта продукции добывающих отраслей и услуг транспортно-логистического комплекса в страны АТР.

Реализация третьего сценария, который можно назвать *трансформационным*, предполагает качественные изменения в отраслевой структуре экономики и отчасти в ее пространственной организации. Эти изменения будут связаны в первую очередь с созданием условий для формирования конкурентоспособных отраслей и сетевых структур. Говоря об «условиях», мы имеем в виду даже не столько уровень доходов населения, что представляется очевидным. Еще недавно по меркам истории в советском обществе была такая высокодоходная социальная группа — «северяне». Так вот если в прогнозном периоде удастся создать условия для столь же высокодоходной группы, но для социально-территориальной общности «дальневосточники», то полдела будет сделано.

Вторая половина дела — создание такой социокультурной среды, привлекательной для групп населения (не только жителей России, но и зарубежья) и инвесторов (как отечественных, так и иностранных), заинтересованных в создании технологий и бизнесов не только в добыче, но и переработке уникальных ресурсов региона. Конечно, готовых рецептов, как этого добиться на современном Дальнем Востоке, нет, но есть научно обоснованные подходы к составлению таких рецептов, и мы полагаем, что работы, выполненные в рамках сценарного прогноза до 2030 г., будут иметь дальнейшее продолжение.